

Текст · 24 декабря 2024, 08:59

Ольга Ромашова,

«Нам не нужны выплаты, нам нужно, чтобы мы могли увидеть его могилку». На что жалуются Путину родные пропавших без вести контрактников

Коллективное видеообращение 17 родственников контрактников из части №41611 11-го танкового полка появилось в телеграм-канале «НЕ ЖДИ хорошие новости». В нем родные попросили Владимира Путина и министра обороны Андрея Белоусова помочь разыскать солдат, в разное время пропавших без вести в районе населенных пунктов Глубокое, Стрелечья, Волчанск в Харьковской области. «Медиазона» поговорила с родственниками контрактников.

«Где мои сыновья? Дайте конкретику мне». Галина Бурим, 57 лет, поселок Обозерский в Архангельской области

У Бурим пропали двое сыновей — 40-летний сержант Олег Терентьев и рядовой 30-летний Алексей Корзун. Они заключили контракты в апреле 2024 года, признаны пропавшими без вести в июле.

«И вот до сих пор ничего мне никто не может ответить, где они, как они. Вот я и сделала обращение. Я просто не могу понять, почему от нас что-то скрывают. Сказали бы напрямую, подождите, мамы, сестры, жены, что эвакуации пока нету, потом

доста́нем тела. Мы все равно наде́мся ведь, что они верну́тся.

Думали, что Владимир Владимирович Путин обратит хотя бы чуточку внимания на этот населенный пункт. Кто туда не пойдет, постоянно ПэБэ^[1], ПэБэ, ПэБэ ребята. От командования тоже ничего не добьешься. Где мои сыновья? Дайте конкретику мне. Ночами не спишь, днями на антидепрессантах сидишь. Крыша съезжает, голова полностью забита. Живем в неведении.

Они контракт подписали от Минобороны. У старшего сына Вторая чеченская [уже была]. Он, говорит, я сидеть не буду, пойду воевать. А младший — за ним. Я одна только у них, и больше у меня нет никого».

«Да бросают они их, бросают их, бросают на поле боя». Елена Иванова^[2], 38 лет, Сыктывкар

У Елены пропал родной брат Андрей Беспалов. Ему 29 лет, он заключил контракт с Минобороны в июле этого года, с 27 августа числится пропавшим без вести.

«На срочную службу его не взяли по причине того, что он учился в коррекционной школе. И как бы решил, что он должен пойти. Ну и плюс еще ходят, ездят агитаторы. Деревня маленькая, где он проживал с родителями. Там во главе участковый, все они там друг за друга. Я так понимаю, что они за это получают какую-то копеечку. И у них должен быть выполнен план, с них требуют. Так сложилось, что детей нет, жены нет. "Пойду, Попробую". Вот и пошел.

У меня мама инвалид первой группы, а папа за ней ухаживает. Я поисками занималась, только от имени отца, так как он не может никуда физически уехать, не может оставить маму. Войсковая часть говорит, что я сестра, никаких данных мы не можем вам дать, так как вы не являетесь прямым родственником.

На самом деле уже руки опустились до такой степени, что мы не знаем уже, куда идти, у кого просить помощи. Вот и мы видеообращения записали с той же целью: чтобы нас услышали, чтобы нас увидели, чтобы нас поняли. Я так понимаю, что это не единственная наша такая часть. У нас ребята уже полгода или даже больше без вести пропавшие.

Войсковые части сейчас выходят в суд с ходатайством о том, чтобы бойца признали погибшим. Но тела нет. В войсковую часть как ни позвонить, они все там: "Да что вы переживаете? Вам будут выплаты". Нам не нужны выплаты. Нам нужно, чтобы наш родной человек вернулся хотя бы на нашу землю, чтобы мы могли увидеть его могилку, чтобы могли его похоронить по-человечески, а не так, что он где-то непонятно, что и где. Нас, родственников, сейчас интересует именно то, чтобы наши ребята в любом случае, какими бы они ни были, искалеченными, ранеными, контуженными, живыми, полуживыми, какими-нибудь, но они их хотя бы нашли. Если даже погибли. Понятно, что наши ребята сейчас воюют не с людьми, с техникой. Очень тяжело, конечно, воспринимать это все.

Если даже посмотреть рекламу по телевизору, там вот: "Своих не бросаем". Такие лозунги красивые.

Приходите, хорошая достойная зарплата и все остальное. Да бросают они их, они бросают их, бросают их на поле боя. Нет никакой поддержки со стороны командования и со стороны правительства. Может быть, конечно, Владимиру Владимировичу Путину, как это принято, отчитываются, но он не углубляется. Хотелось бы, конечно, чтобы он к этому внимательно отнесся».

«Пришла телеграмма: "Первым бортом ко мне тех двоих"». Наталья Пряхина, 53 года, Калининград

Наталья ищет своего 28-летнего сына Евгения Пряхина. Он девять лет служил в военном оркестре в воинской части №90151 в городе Гусев. По ее словам, в июле после конфликта с другим сослуживцем, пьянствовавшим в части, его насильно отправили в «зону СВО». Последний раз он вышел на связь в конце августа. По словам Натальи, ей удалось добиться предписания о возвращении сына в часть, но оно не было выполнено. С октября он числится пропавшим без вести. Два месяца назад сестра Евгения уже опубликовала обращение об этой ситуации.

«Генерал дал телеграмму отправить на СВО моего сына и второго парня, который на общем собрании не захотел заступиться [за нарушавшего дисциплину сослуживца]. Они не подписали приказ на то, что их переводят в мотострелки. Их закрыли на казарму, и утром отправили бортом насильно. Потом два дня подготовки и все, и они на СВО. Тот, второй парень, погиб через месяц.

Мой сын на контракте был три раза, девять лет служил в военном оркестре, у него никакой подготовки военный фактически нет. Он уже,

начиная со срочника, подписал контракт на военный оркестр, был барабанщиком. По своим убеждениям и взглядам человек не может быть штурмовиком и стрелять в других людей. В военно-учетной специальности у него творческая деятельность.

Командир части сказал, что он не может не подчиняться приказам, потому что пришла эта телеграмма: "Первым бортом ко мне тех двоих". А на основании чего, никто не объяснил. Когда моего сына сажали на борт, ему было сказано, что он едет в Белгород в военный оркестр, которого, естественно, уже не существует. Вот и все.

Отправка его без должной подготовки и прохождение медицинской комиссии была просто незаконной. И в результате расследования прокуратурой было установлено, что воинская часть его снова должна вернуть в пункт постоянной дислокации. Ездил я в Питер лично, в Ленинградский военный округ, дали телеграмму вернуть. Но, тем не менее, его не вернули. А когда попытались вернуть, якобы, с их слов, он пропал, просто пропал.

Я уже за пять месяцев столько всего прошла, столько санкций и всего и непонятно. Все вроде на нашей стороне, но сделать никто ничего не может».

Редактор: Егор Сковорода

1. Пропал без вести.

2. Имя изменено.